

Советы

Берут власть

А. Козлов

1.

Год 1917-й подходил к концу. В Барнауле хозяйничала зима, начался хороший снеговой покров, морозов. Снег засыпал улочки грязь, город выглядел чистым, свежим, по-молодевшим. Лишь центральные кварталы, удичтоженные весенним пожаром, имели вид кладбища. Тянулось вверх кирпичные скелеты оголенных зданий, ранее украшавших город. Стены бывших магазинов смотрели на мир дустыми глазами оконных проемов. Там и там одиноко торчали печные трубы.

Но жизнь в городе шла своим чередом. Возле Барнаулки шумел базар. Здесь раскинулись лабаны, дарки, падаки, теснились крестьянские подороды. Торговали печеным хлебом, мясом, маслом, медом, орехами, овчинной... Было где разгуляться бойскому перекущику-спекулянту и солидному купцу — не то, что в голодной России.

Рыбобородый, в тулупе, затянутах цветной опояской, хлопая собачьими рукавицами, засыпает покупателяей:

— Подходи, летай, почти дарма! Бумажки не берем. Давай авоюнку, царскую! Ах нет? Проходи, мидок, не задерживай.

Крестьяне предпочитали обменивать свой товар на одежду, дым и гвозди.

Недалеко от базара — другая картина. Возле распределительного пункта, что в Соборном переулке, с коча мерзнут в очереди жены рабочих, солдатки, беженцы из голодающих губерний. Здесь идет продажа муки по карточкам. Иногда бывают и промышленные товары: керосин, спички, нитки... Нормы маленькие, зато цены посылные.

В конце длинного «хвоста», у самой дороги, — высокий испоглазый подросток, явно выросший из старшей гимназической шпелли. Стоит, занятый своими думами. Он словно не замечает окружающего. Вдруг кто-то резко толкает его:

— Берегись!

Стрелой пронесется пара холеных рысаков. Промелькнул профиль седока в добротной епитовой шубе.

— С жиру бесится кучинок, чуть парня не задавил, — зло заговорили в очереди.

Солдат, в надвинутой на самые уши шапке, скривив деревянной дубой, прогудел:

Продолжаем печатать коллективную повесть-логотип о завоевании и становлении Советской власти на Алтае. Публикуется пятая глава. Предыдущая глава напечатана в «Алтайской правде», №№ 240—243.

— Ничего, скоро отгуляются. Будет и у нас Советская власть! Попримет богатеев.

А перед глазами подростка снова встал знакомый с детства пейзаж: родной дом среди дощ, свинцовые волны вечно беспокойного моря, серые корпуса рыбачьих лодок, крикловые чайки. Латвия... Теперь там хозяйничают немцы.

Вспомнил красный вагон — «40 человек, 8 лошадей». Вспомнились люди, с которыми семья проделала путешествие от Балтийского моря до Барнаула...

Пройдут годы, и паренек станет известным автором романов, и среди них будет «Семья Зитаров». В этой книге он вспомнит о годах, прожитых на Алтае, передаст яркие впечатления о Барнауле, Бийске, осмыслит глубину и значение той суровой и беспощадной борьбы классов, которая развертывалась на глазах юноши из-под Риги.

Паренька, стоявшего в очереди, звали Вилисом Ладисом.

2.

В конце ноября в Барнауле возвратился делегат II Всероссийского съезда Советов Матвей Константинович Цаплин. Ему не дали отдохнуть после утомительного пути. Товарищам хотелось знать подробно о работе съезда, о Ленине и о том, как Советы берут власть в России.

Поздний вечер. Утомился город, погасли огоньки в избах, только в Совете окно угловой комнаты светилось чуть не до утра. Когда погасло электричество, зажгли керосиновую лампу.

Здесь собралась коммунисты, члены Совета. Неотрывно смотрят в глаза Цаплину, а он, касаясь пальцами черных усов, рассказывает о главном:

— Пора нам от слов и резолюций переходить к делу. Красноярцы показали пример всей Сибири. Надо без промедления брать власть. Губернскому центру должно принадлежать первое слово.

— У нас решительный перевес в силах, — поддержал Цаплина Присягин.

— С нами Совет, пролетарские профсоюзы, Барнаульский гарнизон. Так ведь, товарищи военные?

— Гарнизон служит делу революции, — в один голос поддержали Казаков и Малюков.

— Как Красная гвардия, комиссар? — повернулся Присягин к начальнику гвардии, члену губкома Устиновичу.

— Все двести красногвардейцев Барнаула готовы выступить по первому сигналу Совета.

— Нас поддержит деревенская беднота, — продолжал Присягин.

— Мелкобуржуазная масса колеблется. Смелыми действиями мы увлечем за собой значительную часть колеблющихся...

Расхолись по домам под утро — бодрые, возбужденные. Архип Селезнев и Лолый Решетников по старой привычке долго бродили по заснеженным улицам, смеялись, вспоминая, как прошлой зимой водили за собой жандармского шника, пока тот не сбегал, боясь превратиться в сосульку.

Вот уже потянулись на столы первые извозчики. В морозном воздухе запахло дымком и печеным хлебом. Начинаясь новый день первого года революции.

3 декабря в Народном доме состоялось собрание Барнаульского Совета. Зал был переполнен. Рабочие коговоритки переменялись с солдатскими выцветшими рубашками.

На сцене — Цаплин. Он окуливает взглядом пропахший махрой зал и думает о Ленине. Какими словами передать этим людям глубину ленинской мысли?

Доклад называется коротко и деловито: «Власть Советов и ее ближайшие задачи». Докладчик рассказывает о победоносном восстании в Петрограде, о работе II съезда Советов, деятельности Совнаркома.

Зал присмирел, пытаются полнее осмыслить происшедшее. Кто-то на галерке возбужденно затормошил соседа: «Да ты только почувствуй! Власть-то самая наша-ская! Царю Миколке по шапке дали, а теперь буржуя пинком... Дело-то какое, братцы, в мои расчудесные!».

А Цаплин говорит:

— Совет должен взять власть в свои руки!

Ответом была буря аплодисментов.

Собрание постановило: «Всеми мерами и средствами добиться перехода всей власти на места к Советам».

На другой день исполком Барнаульского Совета сформировал Военно-революционный комитет под председательством М. К. Цаплина. 6 декабря вышел приказ исполкома о роспуске буржуазного «Комитета спасения революции» и передаче всей власти в Барнауле и губернии временному органу Совета — Военно-революционному комитету.

Ошкрясь на поддержку гарнизона, Военно-революционный комитет приступил к ликвидации местных органов Временного правительства. В Барнауле было введено военное положение.

По указанию комитета красногвардейцы и солдаты заняли все важные учреждения города: телефонную станцию, казначейство, вокзал, милицию, губернский комиссариат...

«...С сего, 6 декабря, — говорилось в обращении ВРК к рабочим, крестьянам и солдатам, — вся полнота власти в Барнауле и всей Алтайской губернии перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые немедленно приступят к урегулированию всей хозяйственной жизни...».

У здания Совета целыми днями толпился народ. Суровые красногвардейцы, пимокаты — охрана Совета — весело улыбались.

— Проходи в Совет, товарищи! Праздник! Наша власть!

Но борьба только началась. Заволились, почуяв недоброе, Бухаловы, Платоновы, Смирновы и другие барнаульские тузы. Мишка, мясников сын, теперь сам мясник, скуластый и красноречивый, остервешело христал горором по колоде — будто не баряину рубил, а недругов своих давних, Ярыми защитниками интересов

буржуазии оказались ее «социалистические» прихвостни.

7 декабря эсеро-меньшевистское охвостье городской думы собралось на заседание (фракция большевиков полностью отсутствовала) и приняло резолюцию протеста против действий Военно-революционного комитета и о непринятии Советского правительства России. Кучка гласных думы обратилась к населению Барнаула с воззванием — передать всю власть думе на том основании, что дума избираемая всем населением.

Цаплин, явившись на заседание думы, именем Военно-революционного комитета отверг притязания думцев на политическую власть.

— Совет, — заявил он, — не смотрит на себя как на представителя всего населения, в составе населения имеются представители эксплуататорского класса. Совет выражает интерес грядущих классов, составляющих промышленное большинство населения. Выступая против Советской власти, вы открыто переходите в лагерь врагов народа. Одумайтесь!

Предупреждение не подействовало.

Буржуазная дума и ее управа, руководимые эсеро-меньшевиками, совместно с членами распухшего

УСТИНОВИЧ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ, член губкома партии в 1917 году, начальник Красной гвардии г. Барнаула.

«Комитета спасения революции» пытались закончить с новой властью путем организации саботажа служащих учреждений. Вступавших служащих подкупали преждевременной выдачей жалованья и другими подачками.

Преодолевав саботаж чиновников, ВРК и Совет приступили к ликвидации буржуазных органов управления, замене их советскими.

Прежде всего была проведена чистка милиции. Из нее были изгнаны все ненадежные и антисоветские элементы. Милиция стала важной силой в руках Советов.

Старые судебные учреждения прекратили существование. Их место занял революционный суд.

В январе 1918 года ВРК, выполнив свои функции, передал все дела управления Барнаульскому Совету, ограничив свою деятельность задачами борьбы с контрреволюцией.

(Продолжение следует).

А. Козлов

Советы

Берут власть

(Начало в № 291).

3.

Трехдневные дни переживал Байск. Решался вопрос о власти. Меньшевики и эсеры, завладевшие в крестьянской и солдатской секциях Совета, требовали оставить власть за думой.

— Никакой думы! Вся власть Советам! — категорически заявил и большинство, преобладающее в рабочей секции.

Почти ежедневно, начиная с десятого декабря, происходили бурные пленарные заседания Совета. И только 21 декабря, под давлением рабочих, объединенное собрание приняло большевистскую резолюцию о взятии власти Советом.

Эсеры бросились за поддержкой в гарнизон, но казармы были предосторожно окружены ротой фронтовиков. Гарнизон без единого выстрела перешел на сторону Совета.

Руководство Байского Совета было перебрано. Во главе исполкома стал большевик З. Я. Двойник. В Байске установилась Советская власть.

В начале января Советская власть победила в г. Камне.

В Славгороде Совет взял власть в феврале, в Змеиногорске — в марте 1918 года.

С начала 1918 года Советская власть приходит и в деревню.

Барнаульский Военно-революционный комитет разослал по губернии директиву об организации в селах и волостях Советов крестьянских депутатов, как единственно законных органов власти на местах.

По селам разъехались большевистские агитаторы, посланные руководством партии. Но не дремали и кулаки.

— Из пошеинной пшенички самосидка, я вам скажу, почище казенной выходит! — говорил токаревский мельник, поглаживая выпиравший из-под жилета живот. — Дух перехватывает, вот до чего добрая самосидка.

И, секретничая, добавлял:

— Время-то нынче ненадежное, большевики, слышь, крестьянское добришко повтыряют вороват. А самосидка, я тебе честно скажу, упоительная. Эх-ма, однава живем!

И тынуслих на мельницу крестьянские подводы, курнулись самосидные аппараты по набам да баням. Гуляло село Токаревское, гуляло Титовское. Кулацкие сынки выходили на улицу с «стальниками» — пыльное гудение музыки растревали.

— Братики кровные! — вопил токаревский кулак, пуская слезу. — Этот сучий сын в мой амбарничко подломился, пшеницы целую пудовку ушер!

И жинду палец в сельского бедника Заречного.

— Ого-го! Бей его! Рази его! — завопила пьяная толпа.

— Да какой же я вор? — возмущался Заречный, но голос его утонул в диком реве и визге. Пьяный угар мутил кулацкие головы. Беднягу запригли, как лошадь, в сани и погнали по сельской улице, избивая палками и кнутами, пока он не свалился мертвым.

Закиточные мужики припрятавали в потайные места дарские ассигнации и даже керенки, надеясь, что вернутся «добрые старые времена». Собирались тесным кружком, гутерили:

— Ежели Микшишка аль Терешка пьяный, его никакой политикой не проймешь. Но на что пить Микшишке аль Терешке — одожи! Ему пудовочек, пудай перваца накурить, сердце возвеселит. А пудовочек мы с него завсегда вернем, да еще с штересом.

Спаивало кулачек крестьянский люд, разжигало аверские самосуды, чтобы помешать бедноте сплотиться

и оттянуть на свою сторону середняка.

Только Советская власть могла освободить крестьян от кулацкой кабалы, провоза, анархии, вывести из претемной тьмы на свет.

И новая жизнь прорывалась в алтайские села, как весенняя вода прорывается через запруды.

В село Верх-Камышенке, что в Чумышской волости, собралась группа демобилизованных солдат-фронтовиков. Огонь и воду пролили, пороку вдалость нанохались, большевистскую правду еще в окопах в сердца впитали. А вернулись в село — все по-прежнему: земство верховодит.

Петр Кошелев — суровый, решительный, держал короткую речь:

А. А. СЕЛЕЗНЕВ.

— Мы, товарищи, должны поддержать Советскую власть, потому, как самая родная нам власть, наша народная. Мы должны проводить в жизнь революционные идеи для достижения полного социализма. А потому предлагаю организовать партийную ячейку, как Ленин учит.

Так возникла партийная ячейка в селе Верх-Камышенке. Демобилизованные солдаты приняли такую резолюцию: «Поддержать Советскую власть как единственную защитницу беднейшего населения от эксплуататоров».

Возвращающиеся из армии солдаты и матросы, сознательные представители бедноты стали организаторами партийных ячеек и инициаторами создания Советов крестьянских депутатов и в других селах. Алтайская губерния начала покрываться сетью волостных и сельских Советов.

В Повалихе в Совет крестьянских депутатов прошли твердые защитники бедноты. Повалихинский Совет организовал революционный суд, сельскую милицию, повел энергичную борьбу с кулаками и спекулянтами.

Совет села Барнаульского также создал революционный суд, ликвидировал кулачество, дебоширство и уныточил производство «самосидки».

Вслед за Барнаульским уездом, крестьянские Советы возникли в других уездах Алтайской губернии: Байском (в него входил Горный Алтай), Камском, Славгородском, Змеиногорском.

Крестьянские Советы разогнали земства и брали управление в свои руки.

27 января в Барнауле начал работу II съезд Советов крестьянских депутатов Алтайской губернии. Народный дом, где проходило заседание съезда, стал ареной ожесточенной борьбы. Правые эсеры и меньшевики пытались увлечь за собой крестьян, протащить свои антисоветские резолюции. По вопросу «О власти» выступило 55 ораторов. Эсер Шапошников — член разогнанного Учредительного собрания — предавая анафеме Советскую власть, провозгласил гибель большевикам и Советам.

Его истерическая речь вызвала гуд возмущения. Аккуратно вытученного эсерика смели с сцены крестьянин в дмотканой рубашке и валиных ботках.

— Мы знаем, чего хочет этот господин, — сказал он, кивая вслед ушедшему Шапошникову. — Нас и раньше обманывали и натравливали на большевиков, а потом оказалось, что мы все большевики...

Другой выразил настроение трудящихся масс Алтая такими словами:

— Вся власть Советам, кто против нее околочится, тот встретит солдатский штык, рабочий молот и крестьянские вилы.

Крестьянский съезд принял резолюцию, предложенные большевиками. Он потребовал от местных Советов неуклонного проведения в жизнь всех директив и постановлений Советского правительства.

Губернский съезд Советов крестьянских депутатов оформил и закрепил завоевания Советской власти на Алтае. После съезда сформировался Алтайский губернский исполком Советов.

Старый мир не уходил без борьбы. Огрызались и скулили побитыми дворнягами эсеро-меньшевистские буржуазные газетчики. Вот как олакивала байская газета «Алтай» «слишеница» петроградской буржуазии: «Директора банков, ранее процветавшие в костюмах от лучшего портного, теперь ходят по Невскому в смазных сапогах и простой башкирской шапке. Красавицы, блиставшие бриллиантами на премьерах и балах, теперь жмутся в трамваях в обыкновенной трудовой шляпочке».

Но буржуазная печать не ограничилась плачем по прошлому, она стремилась вернуть его любыми средствами вплоть до призывов к свержению Советской власти. Волей трудового народа эти зловонные истоничные клеветы и провокации были закрыты.

В один из дней не выпли на службу учителя барнаульских школ. Как выяснилось, существовавший в городе учительский союз саботировал таким образом мероприятия Совета по демократизации школы. На предложение Совета послать представителей городского учительства в отдел народного образования председатель учительского союза эсер Духанин злобно заявил: «Мы пошлем своих делегатов не для положительной работы по народному образованию, а для политической борьбы внутри Совета. Будем добиваться, чтобы Советы перестали существовать как органы политической власти».

А трудовой люд, несмотря на все козни, с ненасытной жадностью потянулся к знаниям, к культуре. По городу разнеслось, что организуется союз беднейших солдаток и женские школы грамоты. Это развинула свою неутомимую деятельность Елизавета Голубева — врач, общественница, коммунистка. Было трудно видеть, как жены и вдовы барнаульских пимокатов и водников в первый раз в своей жизни — и в долгой человеческой истории —

неумело выводили огрызками карандашей: «Мы не рабы».

Народ не мог ждать, пока вся интеллигенция займет место в общем строю. А лучшие представители интеллигенции были с народом. Народ ломал старое, строил новое. Конечно, не обходилось без ошибок и промахов. Местные учреждения часто копировали работу центральных. Так, Барнаульский Совет создавал свои отделы по образцу Петроградского Совета, что делало его аппарат излишне громоздким.

В Камне исполком Совета принял название «уездного совнаркома». Под влиянием пробравшихся в совет анархистов, обсуждался вопрос о создании «Каменской уездной федеративной республики». Местные анархисты хотели добиться «независимости» от губернии, чтобы не поставлять продовольствие для центра. Барнаульские большевики помогли каменцам разоблачить и изгнать из Совета анархистов-сепаратистов.

4.

Советская власть приступила к решению труднейшей задачи — строительству новой социалистической экономики. Это огромнейшее дело началось с установления учета и контроля над производством и распределением продуктов. Был установлен рабочий контроль на всех предприятиях, где имелись наемные рабочие. Выборные органы рабочего контроля отвечали за нормальную работу предприятий, проверяли их финансовое состояние, устанавливали минимальные нормы выпуска продукции.

На Алтае рабочий контроль был прежде всего организован на предприятиях Барнаула. Идея рабочего контроля нашла здесь своих энтузиастов в лице членов исполкома Совета Селезнева и Машкова.

Пимокат Архин Селезнев обогнал все промышленные заведения города и разъяснил рабочим суть дела.

Рослого, внешне спокойного и неординарного Архина-пимоката знал и уважал весь рабочий Барнаул. Многие помнили его как подпольщика-большевика. После разговора с Селезневым рабочие знали, что и как им надо делать.

А столяр Петр Машков, простой, не очень грамотный, оказался прекрасным организатором. Товарищи по исполкомку называли его «министерской головой». Этого невысокого, большоголового человека с острыми пронзительными глазами боялись все барнаульские капиталисты. Он умел разоблачать их хитрые комбинации. При всяких недоразумениях с хозяевами рабочие шли в исполком к Машкову.

— Разберись, помоги.

Один владеец мастерской отказался платить рабочим зарплату. Плачет, что не из чего платить. Вызвал Машков хозяина и бухгалтера, сам, воля пальцем по колонкам цифр, проверил бухгалтерские книги. Отчеркнул нотем солидную сумму:

— А это что? Слушайте, не морочьте голову мне и людям. Вот ваши деньги, немедленно рассчитайтесь с рабочими!

В исполкоме, за небольшим столом, сидят Селезнев и Машков. Перед ними Бухалов — владеец пимокатной мастерской. Потный, красный, злой. Идет серьезный разговор:

— Гражданин Бухалов, — спрашивает Машков, — почему свернули работу мастерской?

— Не хватает сырья.

— Рабочие говорят, что сырье вывезли в деревню.

Бухалов озадачен. Он не ожидает такой осведомленности.

— Мне ж это выгодно. Деревенские пимокаты работают дешевле, за заработком не гонятся.

— А рабочие вашей мастерской могут идти по миру? Это как?

Бухалов вздыхает:

— Мир велик, всех не облагодетельствуешь!

Машков смотрит на Селезнева, тот, сжимая огромные кулаки, медленно произносит:

— Так вот, гражданин благодетель, если вы немедленно не пустите в ход мастерскую, то исполком конфискует у вас все сырье и распределит по другим мастерским.

— Ваша власть, господа-товарищи. Подумаем.

— Думайте. Но сырье мы учтем немедленно. Это сделают ваши рабочие.

(Продолжение следует).

Советы

Берут власть

А. Козлов

(Продолжение. Начало в №№ 291, 294).

Рабочий контроль срывал саботаж капиталистов, их попытки подорвать производство, усилить разруху. Владельцы механического завода Алейников и Аверин пытались закрыть предприятие. Заводской контрольный комитет не допустил этого. Саботажники были изгнаны, и завод ожил. Через три месяца число рабочих на нем выросло с 30 до 300. Рабочие организовали производство и ремонт сельскохозяйственных орудий.

В конце января 1918 года начал действовать Совет рабочего контроля г. Барнаула — орган государственного регулирования промышленности в масштабе города и окрестности губернии.

Рабочий контроль подготовил условия для национализации промышленности. В феврале 1918 года в ответ на попытки предпринимателей ликвидировать пивкратное производство, Барнаульский Совет национализировал все крупные пивкратные предприятия города.

В Бийске в руки государства перешла фабрика Бородиных — самое крупное текстильное предприятие на Алтае.

Всепародной собственностью стал речной транспорт и Алтайская железная дорога. Исполкомы Советов не допускали бессистемной национализации предприятий и передачи их в собственность отдельных коллективов. Подобного рода «национализация» пытались проводить не только сельские исполкомы. Они отбирали у кулаков мельницы и передавали их селам и волостям. Новые хозяева запрещали молот зерно крестьянам других сел, а доходами от мельниц распоряжались по своему усмотрению.

Исполком Барнаульского Совета отменял такие постановления сельских властей и объявлял конфискованные предприятия собственностью государства.

В марте 1918 года Барнаульский Совет печатал кассы, документы и счета местных отделений коммерческих банков. Это был удар по капиталистическим монополиям.

Советская власть сняла налоговое бремя с наимужднее населения.

Но у Советов не хватало денежных средств для финансирования хозяйства. И Советы начали облагать капиталистов единовременными налогами — контрибуциями.

В марте 1918 года Барнаульский Совет наложил на городских капиталистов контрибуцию в 4 миллиона рублей. Но владельцы предприятий и торговых фирм не торопились с раскладкой и уплатой контрибуции. Тогда Совет оштрафовал их на 2

миллиона рублей. Часть этих средств предназначалась для культурно-просветительных учреждений.

Революция развивалась вширь и вглубь. Она вторгалась в человеческие умы, перучивая, меняя веками складывавшиеся взгляды на жизнь. Рабочий человек становился хозяином и организатором производства. И он должен был отчетливо представлять свое новое положение. И быть дисциплинированным, и работать в полную силу.

А на предприятиях, нет-нет, да и цослыщаются разговорчики:

— Наша власть, братья! Чо торб гнуть? Нам теперича никто не указ!

— Это из недавних кустарей и ремесленников лидеры да горлопаны туман на мозги напускали. Перед коммунистами встал первейшей важности вопрос: укрепление сознательной дисциплины и борьба с разрухой.

На собраниях пивкратов часто говорили об этом Архип Селезнев — председатель профсоюза пивкратов. Вот он только что сделал доклад о дисциплине на производстве. Рабочие дружно поддерживают своего председателя. Но вдруг к столу президиума протискивается чубатый, саженого роста детина. Картинно изобачаясь, начинает реч:

— Народ триста лет работал изпод палки. Пора ему разогнуть спину, вздохнуть свободно. А нас снова уговаривают: работайте в поте лица, не лодырничайте, соблюдайте дисциплину! За что боролесь, а?

— Правильно! — послышались одиночные голоса, но их властно заглушил общий гуд возмущения:

— Холуй буржуянский! — Саботёр! — Чени отсюда, оратель!

Оратор-анархист поспешно убраться восвояси.

В конце марта 1918 года состоялся I съезд профсоюзов Алтайской губернии. Наибольшее число делегатов послали профсоюзы Барнаула и Бийска, объединявшие примерно по 10 тысяч рабочих. Делегаты говорили об улучшении работы предприятий после установления рабочего контроля и национализации ряда фабрик и заводов.

Но сколько еще нерешенных вопросов! Больно дает себя чувствовать безработица — это следствие и общей хозяйственной разрухи, и массового притока демобилизованных солдат. И съезд решает — в первую очередь обеспечить работой демобилизованных.

Не все благополучно с организацией профсоюзов. Сколько их, этих мелких союзов, созданных по узкому цеховому принципу! Профсоюз сапожников, кожевников, кроельщиков, жестящиков... И нет у этих

мелких союзов ни средств, ни грамотных людей для ведения дел. Такая раздробленность мешала рабочим осуществлять главные общепролетарские задачи.

Съезд профсоюзов высказался за ликвидацию мелких цеховых союзов, за объединение рабочих в крупные производственные профсоюзы.

Съезд избрал губерское бюро профсоюзов во главе с И. В. Прислугиным.

Создание общего профсоюзного органа способствовало сплочению рабочих Алтайской губернии.

Вскоре после профсоюзного съезда при губисполкоме Советов оформился отдел труда, которому поручалось руководство рабочим контролем, страхованием, охраной труда и борьбой с безработицей. Комиссаром отдела труда стал талантливый организатор, хозяйственник Архип Селезнев.

В мае 1918 года руководство промышленностью и всей экономической жизнью губернии возглавил Алтайский губернский совнархоз.

5.

Земли и леса Алтайского округа стали общественной собственностью. Весна 1918 года была необычной. Крестьяне ожидали передела земли. Бедняки — с радостью, кулаки — с тревогой и озлоблением.

Землю делили по елкам. Получили земельные наделы и «неприписные» крестьяне-переселенцы, которые по старому закону не наделялись землей.

— А нам что теперь остается — с сумой да по миру? — вопили сельские богатеи, потерявшие излишки земли.

— Старым жиром сто лет прожигете, — посмеивались бедняки.

Не стало кулакам в темные весенние ночи — прятали хлеб в риги, в подпол, надежно укрывали в ямах. Тайком чистили ружья и крупно, как на медведя, рубили сыянец.

Повалихинский богат Федулов пришел в губисполком с жалобой на «незаконные» действия местного Совета, конфисковавшего его заимку и инвентарь. Губисполком признал конфискацию правильной, соответствующей декрету, принятому II Всероссийским съездом Советов и рекомендовал Повалихинскому Совету «передать всю реквизируемую землю, инвентарь и постройки рабочим Федулова для ведения хозяйства на коммунистических началах».

Бедняки получили землю. А чем ее обрабатывать? Солнце уже поднялось высоко, проявились проталины, и по ним важно выптагивали черные грачи. Земля курилась терп-

кими испарениями в ожидании плуга и семял.

Крестьяне собирались у сельских и волостных Советов, часами заглядывали, думая трудные думы. Слышались разговоры: «Советская власть не оставит, подмога нам непременно будет, потому как ни плуга, ни боронь...».

И Советская власть помогла. Губисполком конфисковал машины, у торговых фирм и крупных землевладельцев, организовал прокатные пункты, а городские рабочие создавали при этих пунктах ремонтные мастерские.

Вскоре от волости к волости понеслись удивительные слухи: приехали в Рубцовскую степь питерские рабочие и зажили коммуной, и назвали они коммуну «Наш путь». И еще появились первые совхозы, а

В конце 1917 — начале 1918 года в Сибирь шли тревожные телеграммы:

«...Сибирские товарищи должны знать, что нам нужен хлеб... Питерские рабочие готовы снять последнюю рубашку, чтобы обменять ее на хлеб... Свердлов».

«...Центральный Комитет по снабжению и продовольствию армии требует и умоляет принять все меры к отпарке мяса, хлеба и фуража из Сибири...».

«...Товарищи сибиряки! На вас надежда красного Петрограда... Не дайте от голода погибнуть революции и восторжествовать проклятому капиталу...» (из письма путевловцев сибирякам).

(Продолжение следует).

Митинг в Барнауле на Демидовской площади в первую годовщину свершения самодержавия.

Фото 1918 года.

конный завод, национализированный у каменского миллионера Винокурова, превращен в государственное племенное хозяйство.

Но коллективные хозяйства не получили в то время болящего развития. Не было опыта. Отсутствовали необходимые условия перехода к коллективизации, прежде всего индустриальная база.

Отсеялись неплохо. Кто попорворней — успел заготовить лесу на новые пазы вместо прежних завалов. Жизнь вроде ладно складывалась. Но все явственнее чувствовалось, что это — предгрозовое затмение.

Над молодой Советской страной нависала мрачная тень голода. Голод надвигался на Петроград и Москву, на промышленные районы центра. Контрреволюция рассчитывала задуть голодом Советскую власть.

Судьба настоящего и будущего ретал хлеб. И взоры страны обратились к Сибирь. Только одна Алтайская губерния имела до 100 миллионов пудов хлеба от урожая 1917 года. Но его надо было заготовить и вывезти за Урал.

Советы берут власть

А. Козлов

(Окончание. Начало в №№ 291, 294, 295).

Барнаульский Совет установил непосредственную связь с Советами Шум и других городов Иваново-Вознесенского района. Началась отправка хлеба в эти города. Текстильщики Шум и Иванова в обмен на хлеб отправляли на Алтай вагоны с мануфактурой.

Из Слангорода и других районов шли составы с продовольствием в Москву и Петроград.

Но весной 1918 года продовольственное положение республики резко ухудшилось. Хлебные житницы страны — Украина и Северный Кавказ — оказались под властью терманных оккупантов и белогвардейцев.

Страна могла взять хлеб, главным образом, в Западной Сибири, на Алтае. Правительство направило в Сибирь более половины товарного фонда для обмена на хлеб.

И тут-то кулаки почувствовали свою силу. Ведь главная масса хлеба — в их руках. Кулацкие амбары домились от зерна. В Слангородском уезде у многих богатеев хлеб лежал в скирдах по 4—5 лет.

Но кулаки отказывались сдавать хлеб даже в обмен на промышленные товары. Его стравливали скоту, сбывали спекулянтам, перегоняли на самогонку. Милиция и революционные суды не справлялись с делами о самогонщиках. Кулаки усиленно обрабатывали середняков:

— Попродержите, мужики, хлеб. Деньги — бумажки. Товару у большевиков — тя-тя. Нету. А что есть, отдадут голодранцам.

В кооперативных союзах, через которые велись заготовки, сидели эсеры и меньшевики. Они втихомолку поощряли кулацкий саботаж. Товары из обменного фонда сплавляли спекулянтам, скупавшим хлеб у крестьян. В деревню хлынули спекулянты, торгаш-мешочники, они под-

рыгали хлебную монополию. Стихия наживы захватывала крестьян, именных товарный хлеб. Постановление губисполкома об обязательной сдаче излишков хлеба срывалось.

Эсеры с пеной у рта кричали: «Алтайская губерния не располагает излишками хлеба!». Чтобы сорвать заготовки, они использовали обходные пути, протаскивая через продовольственные удравы и даже съезды крестьянских Советов постановления о непомерно высоких нормах потребления продовольствия на местах.

На уездном съезде Советов крестьянских депутатов, проходившем в Барнауле в начале апреля 1918 года, была утверждена месячная норма потребления хлеба в деревне — два пуда муки на едока. Кроме того, съезд принял завышенные нормы фуража для корма скота — лошадей, коров, овец, свиней, птиц.

Решение приняли небольшим большинством. Когда подсчитали

голоса, в зале поднялся невероятный шум, ругань, раздался негодование возглас:

— Позор! Протестуем, протестуем!

— Что скажет Россия, когда узнает об этой норме?

— Обжоры!

— В Петрограде рабочие получают восьмипудку хлеба с мякиной.

Бывший фронтовик, не привыкший выступать на собраниях, протиснулся вперед.

— К вам, товарищи солдаты, обращаясь, — начал он прерывающимся от волнения голосом. — Вы сидели в окопах! Вы видели нужду и голод! Как же вы теперь обрекаете людей на голодную смерть? Два пуда на человека? Да столько в месяц не съест никто, даже самый пухляк буржуй!

Снова принялись голосовать. В конце концов норму несколько уменьшили — полтора пуда на человека.

В эти дни в Барнаул, по поручению Совнаркома, прибыл чрезвычайный комиссар по продовольствию в Сибири — А. Г. Шлихтер. На совещании в губисполкоме народный комиссар рассказал о тяжелом продовольственном положении в стране. Была поставлена задача: в

ближайшее время довести ссынку и отправку продовольствия в центр до максимума, не останавливаясь перед принудительным изъятием хлеба у кулаков. Все продовольственное дело должно быть строго централизовано и передано в руки продовольственных отделов при Советах.

Борьба за хлеб вступала в новую фазу. В мае 1918 года ВЦИК принял декреты о продовольственной диктатуре. Наркомпрод получил чрезвычайные права вплоть до применения вооруженной силы против дезорганизаторов заготовок — кулаков, спекулянтов, самогонщиков. Алтайская партийная организация завершила подготовку к установлению в губернии продовольственной диктатуры. В деревню двинулись первые учетно-реквизиционные отряды. При поддержке бедноты они приступили к изъятию хлеба у кулаков. Классовая борьба в деревне обострилась. Кулаки хватились за оружие.

Заколебался середняк, недовольный запрещением свободной торговли и твердыми ценами на хлеб. Кулаки склоняли середняков на свою сторону. Соотношение классовых сил в деревне изменилось не в пользу Советской власти.

6.

На улицах Барнаула зазеленели тополя. Приближалось лето 1918 года, жаркое и сухое. Видис Лацис забросил книги. Целыми днями он пропадал на Оби. Илл, забравшись на гору, садился на край обрыва спиной к кладбищу, и подолгу любовался могучей рекой и бесконечными просторами Заобья.

Огромная река, пароходы, баржи, лодки, станция над отелями напоминали о море.

Вместе с друзьями — русскими мальчишками ловил плывущие по реке бревна, пробирался на пассажирские пароходы, обследуя их от машинного отделения до капитанского мостика.

На городских улицах и площадях, в народной толчея Видис жадно впитывал впечатления, которые передал после в своем романе.

В праздничные дни на «пятачке» у Петропавловского собора с утра до ночи толпились мячане, торговцы, зажиточные кустары, служа-

щие. Видис слышал, как они, собравшись кучками, ругали Советскую власть, на чем свет поносили рабочих, особенно красногвардейцев.

Доносились обрывки тихо произносимых фраз: «Советчишким скоро — крышка». «Союзники помогут».

Контрреволюция сплачивалась и нагнала. Кадеты, сибирские областники-сепаратисты, горноалтайские националисты, меньшевики, эсеры, забыв о прежних разногласиях, сошлись в главном — в лютой ненависти к Советской власти. Барнаульские меньшевики и эсеры развернули бешеную кампанию против Брестского мира. Большевика Спекторская на собрании союза торгово-промышленных служащих истошно вопила:

— Мир с Германией — предательство интересов мирового пролетариата! Это не перемирие, а злая капитуляция. Надо передать власть демократии, которая организует всенародное ополчение и вызовет страну.

Эсер Шапошников бубнил свое: «Большевики хотят социальным способом вести социализм... Для социализма в России нет почвы, 80 процентов населения даже не понимает этого слова...».

— После такого «исторического» выступления оратор делал открытвенный вывод: «Не надо мешать капиталистам вести их частные дела».

В трескучих речах этих политиканов так и сквозила тоска по капитализму.

Чуть не каждый день устраивались крестные ходы в барнаульских церквях. На городские улицы выходили мрачные процессии с хоругвями и иконами. Попы настраивали темную массу верующих против «безбожных большевиков». Под угрозами сводами храмов слышались их замозильные голоса:

«Забыли мы бога, и бог отступился от нас. Гнев божий открылся над нашей страной, и меч его уже занесен над нашим народом. Принесем покаянную молитву в грехах наших...».

В Барнауле появилось много новых лиц, одетых в гражданское платье мужчин с явно военной выправкой. Это были патанные солдаты из армии офицеры-контрреволюционеры.

Господа — бывшие офицеры — держались в тени, старались быть незаметными. Мало говорили, но энергично действовали. Они тайно сговаривались между собой, собирали оружие, формировали подпольные дружины, ждали сигнала для организованного антисоветского выступления.

Весть о высадке японского десан-

та во Владивостоке воодушевила все антисоветское отребье. Обстановка в Барнауле стала напряженной.

12 апреля военно-революционный комитет ввел в Барнауле военное положение. Под угрозой применения вооруженной силы запрещались всякие сходки, собрания, в том числе и крестные ходы. Рабочие усилили охрану Совета и других учреждений.

Красная гвардия Барнаула была приведена в боевую готовность.

В ряде мест губернии вспыхивали мятежи. 18 апреля в Вийске толпа зажиточных мячан, вооруженная дубьем и обрезам, напала на члена Вийского Совета большевика Ф. И. Фомченко. Он был смертельно ранен перед зданием, где заседал Совет. Поднятые по тревоге красногвардейцы рассеяли толпу. Красная гвардия Барнаула, Вийска и других городов длительно несла свою боевую службу. После демобилизации солдат Барнаульского и других гарнизонов она являлась основной вооруженной опорой Советов Алтая.

День 1 мая 1918 года в Барнауле явился настоящим смотром боевых сил революции.

«Наступил Первый май. В этот день на обширной поляне за городом состоялся большой митинг, в котором участвовали тысячи людей. Кроме жителей Барнаула и беженцев из западных окраин России, на митинг явились военнопленные — венгры. Произносили зажигательные речи на разных языках и пели революционные песни. Героями дня оказались латышские стрелки, несколько дней назад появившиеся в Барнауле и смотревшие за порядком в городе и на митинге...» (Видис Лацис «Семья Зитаров»).

После 1 мая латышские стрелки — хорошо вооруженная и закаленная в боях стража революции — были отозваны из Барнаула. Через несколько дней Барнаул пропался со своими красногвардейцами.

16 мая большой сводный отряд Барнаульской Красной гвардии погрузился в вагоны и выехал на Забайкальский фронт сражаться с контрреволюционными бандами атамана Семенова. В эти же дни на борьбу с семеновцами отбыли отряды бийских, камениских и славгородских красногвардейцев.

На местах остались небольшие, слабо вооруженные красногвардейские отряды.

25 мая 1918 года начался антисоветский мятеж чехословацкого корпуса по всей Транссибирской магистрали. Выступление белочехов явилось сигналом для внутренней контрреволюции. Красная гвардия Алтая вступила в неравный бой с врагами.

ЕЛИЗАВЕТА КОНСТАНТИНОВНА ГОЛУБЕВА — врач по профессии, активная большевичка, организатор работы среди женщин в первые годы Советской власти.